

ПЕРЕСТРОЙКА: ДИАЛЕКТИКА ПЕРЕМЕН

В конце 70-х годов советское общество казалось западным наблюдателям безнадежно консервативным, а рассуждения о „нереформируемости коммунизма” стали общим местом среди диссидентов и сочувствовавшей им либеральной интеллигенции. Пессимизм господствовал даже в среде официальных экспертов, многие из которых, по собственному признанию, „окончательно впадали в отчаяние”.¹ Будущее казалось бесперспективным, а страну не могло ожидать ничего кроме медленного загнивания. Однако с приходом к власти М. С. Горбачева общее настроение быстро изменилось. Люди, недавно совершенно не верившие в саму возможность реформ, стали уверенно говорить об их необратимости. Реформистская эйфория охватила экспертов. Западная пресса, как левая, так и правая, стала писать об успехах преобразований в СССР с небывалым энтузиазмом. И хотя никто не отрицал трудностей, с которыми сталкивается перестройка, сопротивление бюрократического аппарата и сложного экономического положения страны, ничто не могло поколебать общего триумфального настроения. Безнадежный пессимизм сменился столь же безудержным оптимизмом. Между тем реальная динамика общественного развития гораздо сложнее и противоречивее, нежели это представляется обыденному сознанию.

Советское общество никогда не было столь монолитным, каким его представляли сталинская идеология или упрощенные западные концепции тоталитаризма. Многочисленные группы интересов, складывающиеся как внутри, так и вне аппарата власти, всегда оказывали влияние на принимавшиеся решения,

порождали разнообразные конфликты. В сталинские времена эти конфликты были одной из причин массовых „чисток” внутри партии, когда расправы над видными партийными и государственными деятелями знаменовали изменения в соотношениях сил между различными группами в аппарате. При Хрущеве террор был прекращен, но открытая борьба между фракциями продолжалась, приведя сначала к падению все сильного министра государственной безопасности Лаврентия Берия, а затем к устранению сталинских „ветеранов” Молотова, Маленкова и Кагановича. В конечном счете жертвой этой борьбы стал и сам Хрущев.

Речь шла не просто о столкновениях между людьми, делами, властью, или о противоборстве мнений. Каждый из участников событий опирался на определенные структуры в аппарате, отстаивал их интересы. Именно недоверие широкой бюрократической „массы” к намеченной Хрущевым программе реформ и отсутствие у этой программы социальной базы за пределами аппарата привели к падению Хрущева в 1964 г.

К моменту воцарения Брежнева реформистская фракция в правящих кругах практически не имела серьезной опоры. Реабилитация жертв террора в 1954–1956 годах, развенчание „культы личности” Сталина, ослабление государственного контроля над культурной жизнью и существенное расширение прав личности в тот период было величайшим историческим достижением, но надо помнить, что все эти радикальные меры одновременно играли важную роль в борьбе аппаратных интересов, ослабляя позиции одних фракций и структур, повышая роль других. Успех Хрущева в первые годы его правления был связан с единодушным желанием правящих кругов положить конец всевластию и безответственности тогдашних репрессивных органов, поставить реорганизованную службу госбезопасности под контроль партии. На следующем этапе импульсом для продолжения политических (но не экономических) реформ было стремление более молодого поколения аппаратчиков закрепить свои позиции, отеснить и дискредитировать сталинскую „старую гвардию”. С того момента, как эти цели оказались достигнуты, реформистский потенциал хрущевской оттепели был исчерпан, а люди, поднявшиеся на свои посты благодаря дестали-

низации, стремились уже не к продолжению перемен, а к стабильности. Поскольку Хрущев, увлеченный своими реформами, не желал считаться с этим, он был смещен со своего поста и заменен более удобным лидером — Л. И. Брежневым.

Важнейшая особенность брежневского периода состояла в способности тогдашнего руководства поддерживать устойчивый компромисс между фракциями аппарата при одновременном повышении жизненного уровня народа. Для выполнения этой задачи необходимо было обеспечить значительный и устойчивый экономический рост, позволявший каждой социальной группе увеличивать свою долю пирога, не затрагивая интересов других. До известной степени эта задача была выполнена. В конце 70-х начале 80-х годов резко возросли доходы трудящихся, изменился образ жизни. Стремительно увеличилось число автомобилей в личном пользовании, телевизоры и холодильники появились в каждом доме, продолжалось переселение миллионов людей из „коммунальных квартир“, где несколько семей делили между собой общую кухню, в нормальные современные дома. Повышалось и качество строительства и общая обеспеченность людей жилой площадью. Характерно, что за время брежневизма практически не было крупных забастовок или волнений, сравнимых с событиями в Новочеркасске в 1962 г., когда хрущевское руководство вынуждено было послать войска, чтобы подавить рабочие выступления против роста цен.

Все эти социальные успехи были достигнуты при одновременном росте вооруженных сил и стремительном разбухании аппарата управления (что с точки зрения чиновников служило важнейшим доказательством прогресса). Был достигнут военно-стратегический паритет с США, стремительно увеличивалось влияние СССР в мире, особенно в развивающихся странах. Вопреки общему мнению, сложившемуся к концу брежневского периода, 70-е годы бесспорно были одним из самых благополучных и успешных периодов советской истории. Другой вопрос — какими средствами и какой ценой были достигнуты эти успехи...

Если Хрущев пытался совмещать политические реформы с сохранением традиционных принципов управления экономикой, то Брежнев на первых порах избрал прямо противоположное. Политическая стабильность должна была сочетаться с эконо-

мической реформой, предполагавшей расширение прав среднего звена хозяйственного аппарата, формирование слоя „советских менеджеров“. Эта реформа, начатая в 1965 г., могла бы ускорить развитие страны и одновременно удовлетворить технократов, удельный вес которых в правящих кругах неуклонно повышался по мере модернизации общества. Однако очень быстро выяснилось, что на практике реформа лишь обостряла уже существующие противоречия между хозяйственным и партийным аппаратом на местах, равно как и между различными уровнями самого хозяйственного аппарата. Не удивительно поэтому, что брежневское руководство, столь ценившее стабильность, поспешило свернуть преобразования. К 1970 г. реформа была фактически прекращена.

Поскольку надежды на повышение эффективности народного хозяйства, связанные с реформой, не оправдались, Брежнев и его окружение вынуждены были максимально использовать другие, экстенсивные факторы роста. Предприятия не имели реальных стимулов к обновлению оборудования (вполне достаточно было выполнять план на старых станках, а реконструкция ставила выполнение плана под угрозу). В результате стали необходимы огромные централизованные инвестиции в строительство новых предприятий. Все имеющиеся в стране материальные, трудовые и финансовые ресурсы должны были максимально использоваться для реализации этой программы. Не удивительно, что довольно быстро наступил „перегрев“ экономики. Стремительно увеличивавшаяся масса денег в обращении не была обеспечена товарами. Средства, выделяемые на строительство новых предприятий, не приносили запланированной отдачи: сооружение объектов затягивалось из-за неэффективной организации работ, стоимость строительства все время повышалась, а возникающая нехватка денег покрывалась с помощью печатного станка. Для того, чтобы получить дополнительные средства, министерства вынуждены были затевать новое строительство, не завершив старое. В первой половине 70-х годов официальные пропагандисты любили говорить, что весь Советский Союз превратился в „гигантскую строительную площадку“. К концу брежневского периода это сравнение предпочитали не вспоминать. Многие объекты оставались незавершенными на протяже-

нии нескольких пятилеток, стоимость работ фантастически возрастала, возник дефицит стройматериалов, рабочих рук, энергоресурсов.

Поддержание твердых цен на продовольствие при крайне низкой производительности труда в сельском хозяйстве и непрерывном увеличении платежеспособного спроса привело к тому, что государство вынуждено было платить многомиллионные дотации, а население стоять в очередях и жаловаться на недостаток продуктов.

До известного момента все подобные проблемы компенсировались расширением связей с Западом. Разрядка для брежневского руководства оказалась жизненной необходимостью. В 70-е годы советская экономика стала значительно более „открытой”. Однако место, которое занял Советский Союз в международном разделении труда, явно не соответствовало статусу нашей страны как сильной индустриальной державы. „Основой нашего экспорта, — писал экономист А. Быков в „Литературной газете”, — были и остаются сырьевые ресурсы, прежде всего нефть и газ: на них приходилось около 80% экспорта в твердой валюте. Резкий взлет мировых цен в 70-е годы привел почти к двадцатикратному подорожанию нефти, и казалось, что такое положение сохранится уж как минимум до конца века. А раз так, то зачем менять структуру экспорта, искать новые резервы?” В свою очередь импортное оборудование, приобретаемое на „нефтедоллары”, не могло быть достаточно эффективно использовано „из-за безхозяйственности, хронической незавершенки, нерасторопности в освоении”.² Несмотря на доходы от нефти существенно рос внешний долг СССР и дефицит торгового баланса с капиталистическими странами. После польских событий 1980—1981 гг. окружение Брежнева пришло к выводу, что необходимо как-то исправить положение. Темпы роста импорта сократились, а долги аккуратно выплачивались. Тем не менее, положение СССР на мировом рынке оставалось крайне непрочным, что и выявилось к середине 80-х годов в связи с резким падением цен на нефть.

Кризис брежневизма

1979—1980 гг. оказались роковыми для брежневской модели. Противоречия и просчеты, скрывавшиеся на протяжении многих лет, стали выходить на поверхность. Темпы роста экономики заметно падали, отношения с Западом неуклонно ухудшались; в Восточной Европе, „умиротворенной” на целых 12 лет после подавления Пражской весны, ситуация внезапно дестабилизировалась. В Польше кризис быстро приобрел политический характер и привел к прямому столкновению между правительством и рабочим движением „Солидарность”, но и другие страны Восточного блока сталкивались с серьезными трудностями. Когда в декабре 1979 г. по решению Брежнева советские войска были отправлены в Афганистан спасать терпящий крах „дружественный режим”, никто не ожидал, что это окажется началом многолетней войны, однако было совершенно ясно, что старые политические методы уже не соответствуют новой реальности.

Кризис разрядки, возникновение войны в Афганистане и события в Польше, разумеется, были вызваны не только брежневской политикой. Запад вступал в полосу структурных преобразований; в большинстве капиталистических стран поднялась „неоконсервативная волна”. Брежнев и его окружение не несли и прямой ответственности за политические провалы своих союзников в Польше или Афганистане. Однако происходившие в мире события выявили полную несостоятельность политического мышления, господствовавшего в тогдашнем руководстве. Ориентируясь на стабильность, оно совершенно иррационально ожидало, что и внешний мир будет сохранять неизменный облик, а качественные перемены маловероятны. Если нефть подорожала, так это уже „до конца века”, если в американской политике господствуют либералы, так это „необратимый сдвиг”... Брежневская элита оказалась психологически совершенно неподготовленной к вызовам 80-х годов. Попытки же поддержать статус кво с помощью силы, как это случилось в Афганистане, только усложняли ситуацию.

К началу 80-х годов в самых различных слоях советского общества складывалось мнение, что брежневизм исчерпал себя. Новое поколение, выросшее в годы „стабильности”, было более

образованным и требовательным. Происходила повсеместная модернизация образа жизни, порождавшая новые потребности и, в конечном счете, новое недовольство. Люди чувствовали себя более самостоятельными, требовали уважения к своему гражданскому и человеческому достоинству. Годы „стабильности” пошли на благо обществу: социальные связи укрепились, люди лучше осознавали коллективные интересы. В свою очередь противоречия между бюрократическими ведомствами обострились по мере того, как становилось ясно, что „эпоха пышных пирогов” кончается. Дефицит ресурсов вызвал острые межведомственные столкновения, сильно усложнившие планирование и принятие решений на всех уровнях. Наметившееся отставание в области современной технологии приводило в ужас военных, особенно с того момента, как Соединенные Штаты провозгласили идею „космической обороны”. Таким образом недовольство охватывало не только низы, но и значительную часть верхов.

Возникло парадоксальное положение. С одной стороны, общество вполне созрело для перемен, с другой стороны, сколько-нибудь серьезного движения за реформы не было. Диссиденты никогда, даже в лучшие свои годы не выдвигали программы социальных преобразований. На протяжении всего своего существования это движение провозглашало лозунги прав человека, защищало индивидуальные свободы и достоинство личности, но неспособность диссидентов сформулировать конструктивную программу вела к тому, что их лозунги становились все более абстрактными, оторванными от реальных проблем жизни масс. В результате диссиденты чем дальше, тем больше возлагали надежды на дипломатическое давление извне. Предполагалось, что „свободный мир” вынудит брежневское руководство идти на уступки в области прав человека. Подобная стратегия, при всей ее спорности, объяснима в эпоху разрядки, но она становилась совершенно самоубийственной в условиях обостряющейся международной напряженности 1979–1982 гг.

По сравнению с 60-ми годами, когда родилось правозащитное движение, к концу брежневского периода произошла значительная эволюция. После поражения Пражской весны в этой среде наблюдается всеобщий сдвиг вправо. Академик

А. Д. Сахаров, первоначально выступавший за „социализм с человеческим лицом”, понемногу перешел на либеральные позиции, причем многие его заявления (например — о Вьетнаме или о разрядке) использовались американскими ястребами, пытавшимися морально укрепить свои позиции. Еще более серьезный сдвиг вправо происходил в среде „новой эмиграции”, численность которой с середины 70-х годов начала стремительно возрастать.

Самое удивительное, что диссидентское движение, остро нуждавшееся в разрядке, практически никогда не создало этого.³ Приход к власти на Западе деятелей типа М. Тэтчер и Р. Рейгана многими в диссидентской среде приветствовался как признак того, что „в свободном мире наконец-то восторжествовала решительная позиция”. На практике же немедленным следствием кризиса разрядки оказались новые репрессии против „антисоветских элементов”, ухудшение ситуации с правами человека.

К концу 70-х годов диссидентство переживало серьезный кризис. Значительная часть активистов покинула страну, многие были арестованы, некоторые отошли от общественной деятельности. Самой главной причиной кризиса, впрочем, были не репрессии, а отсутствие политической перспективы. Сократился и приток людей в движение. Это вовсе не означало, что недовольных в стране стало меньше, но в новых условиях протест принимал иные формы.

Характерной чертой периода 1979–1982 гг. явилось, с одной стороны, усиление реформистских тенденций внутри истеблишмента, а с другой — возникновение новой социалистической оппозиции. Неофициальные левые группы существовали в молодежной среде еще с 50-х годов, однако во времена „зрелого брежневизма” количество таких групп было ничтожно, а люди, пострадавшие за подобную деятельность в 50-е и 60-е годы, либо прекращали политическую борьбу, либо примыкали к диссидентам, одновременно утрачивая и социалистическую идеологию. В связи с кризисом диссидентства ситуация резко изменилась. Начали появляться новые самиздатные журналы, авторы которых заявляли о своей марксистской ориентации; возникли дискуссионные кружки, резко возрос интерес к со-

циалистической теории. Интенсификация культурных связей между СССР и внешним миром в эпоху рязрядки повлияла и на идеологию этих групп. В отличие от своих предшественников 50-х годов, „молодые социалисты” имели достаточно полное представление об идеях западных левых, начиная с Грамши и Розы Люксембург и кончая Франкфуртской школой; они могли использовать опыт реформистского и „ревизионистского” движений в „братских странах” Восточной Европы.

Во многих отношениях идеи новых левых пересекались с проектами, выдвигавшимися официальными реформистскими экспертами. И в том и в другом случае речь шла о попытке сформулировать реалистическую программу преобразований на основе социалистической перспективы. В обоих случаях речь шла о необходимости сочетания планового и рыночного начал в экономике, о неизбежности и необходимости демократизации сверху. Однако в отличие от реформистского академического истеблишмента левые делали акцент на производственном самоуправлении. Если официальные эксперты за редкими исключениями (например Б. П. Курашвили) выступали за своеобразную советскую „революцию менеджеров”, левые провозглашали своей целью демократию трудящихся. К тому же, по мнению большинства молодых социалистов, сторонники официального реформизма явно переоценивали возможности „советских менеджеров”. Работники аппарата управления действительно были заинтересованы в определенных переменах, но в то же время и боялись их. Аппарат производственного управления на местах был недоволен ведомственной бюрократией в центре и одновременно связан с ней нерасторжимыми узами. Аналогичным образом складывались и отношения между „капитанами производства” и местным партийным аппаратом. По мнению левых, это ограничивало реформистский потенциал технократии даже при осуществлении умеренного технократического проекта. Успешные преобразования могли бы начаться по инициативе сверху, но завершиться лишь массовым движением снизу.⁴ Опора на средние слои не только не гарантирует глубоких перемен в обществе, но и не позволяет даже последовательно провести программу ограниченных реформ по образцу Венгрии 70-х годов

(не секрет, что именно эта „модель” вдохновляла большинство экспертов-либералов).

К началу 80-х левые развивали подобные идеи на страницах трех самиздатных органов — „Варианты”, „Поиски”, „Левый поворот”. Радикальные группы формировались, главным образом, в Москве и Ленинграде, но спрос на подобные издания быстро рос и в других городах, особенно в молодежной среде. Тем не менее левые были еще очень слабы, не имели политического и организационного опыта. В апреле 1982 г. большинство наиболее активных представителей новых левых было арестовано. Перестали выходить „Левый поворот” и „Варианты”, еще раньше прекратили свое существование „Поиски”.

Из-за кризиса диссидентства и слабости левых официальный реформизм оставался единственной реальной альтернативой брежневизму. Это течение так же испытывало определенные трудности. Эксперты-реформисты объединились, главным образом, вокруг нескольких исследовательских институтов в Москве, Новосибирске и Ленинграде. Их рупором сделался новосибирский журнал „ЭКО”, руководимый академиком А. Г. Аганбегяном и Т. И. Заславской. Это издание сумело соединить научную глубину с популярностью изложения. То, что невозможно было сказать в тексте из-за цензуры, зачастую „договаривали” злые карикатуры, которыми иллюстрировалась почти каждая статья. Популярность „ЭКО” стремительно росла в конце 70-х — начале 80-х годов, однако читательская аудитория оставалась довольно разношерстной. Редакция проводила специальные исследования, выясняя „Кто вы, наш читатель?” Фактически „ЭКО”, как и само реформистское течение, имело многочисленных сторонников в самых разных слоях общества „от рабочего до министра”, но они не могли рассчитывать на устойчивую поддержку какой-либо массовой социальной группы. Аппарат хозяйственного управления оказался разделен почти поровну на сторонников и противников реформ. В партийном аппарате группы, ориентированные на перемены, вынуждены были сосуществовать с консерваторами. Интеллигенция поддерживала реформистские проекты „за неимением лучшего”.

Социальная безадресность реформистских программ имела и свои положительные стороны. Реформистские эксперты апел-

лировали скорее к пониманию „объективной необходимости”, нежели к конкретным интересам. Это создавало ощущение беспристрастности подхода, заинтересованности в высших целях государства. К тому же необходимость перемен действительно создавалась в самых разных общественных группах. Даже консервативно настроенные деятели видели, что растущее отставание СССР в области „высокой технологии” может привести к подрыву военной мощи, а слабость экономики в конечном счете окажется слабостью державы.⁵

Парадоксальным образом именно то, что, по мнению левых, было главной слабостью проекта либеральных экспертов — его расплывчатость и безадресность — способствовало формированию широкой разношерстной коалиции сторонников перемен. Надо отдать должное Ю. В. Андропову, который еще в период пребывания на посту руководителя КГБ начал очень трудную работу по объединению различных фракций и групп в аппарате в блок „здоровых сил”. Естественно, разные люди и группы ждали разного от преобразований. Одни стремились просто оттеснить брежневскую „мафию” с руководящих должностей и сесть на освободившиеся места. Другие надеялись укрепить военную и политическую мощь страны, третьи мечтали о перераспределении власти и прав между ведомствами, четвертые искренне хотели сделать советское общество более свободным, справедливым и динамичным. В любом случае, всех их объединяло понимание того, что „далее по-старому жить нельзя”.

И верхи и низы чувствовали, что наступает конец эпохи. Все желали обновления. Вопрос лишь в том, что смысл его понимался неодинаково.

* *
*

По общему мнению, смерть Л. И. Брежнева запоздала года на два. Уже с 1980 г. страна жила ожиданием этого события.⁶ Когда, наконец, оно свершилось даже официальные лица подчас не скрывали удовлетворения.

Избрание Андропова Генеральным секретарем свидетельствовало о политическом кризисе брежневизма, но отнюдь не о его окончательном крахе. С первых же своих заявлений новый лидер дал понять, что намерен провести важные преобразования не только в экономической, но и в политической области. Эксперты начали разрабатывать проекты реформ, заваливая ими руководящие органы. Слово „реформа”, почти исчезнувшее со страниц официальных документов, стало все чаще появляться в прессе. Началась решительная борьба с коррупцией, ставшей для брежневской элиты фактически образом жизни. Некоторые активисты левых групп, арестованные в 1982 г., вышли на свободу, а на их место в Лефортовскую тюрьму брошены казнокрады и взяточники. Между тем брежневское окружение, оправившись от первоначального шока, связанного с потерей лидера, осознало надвигающуюся опасность и начало энергично сопротивляться. Ни один из реформистских проектов, обсуждавшихся на высшем уровне, так и не стал официальным документом. Реформа школы, провозглашенная летом 1983 г., была сведена к списку благих пожеланий, а затем практически законсервирована.

Смерть Андропова и приход к власти К. Г. Черненко осложнили ситуацию еще больше. В лице Черненко страна получила руководителя, откровенно стремившегося сделать своим принципом „брежневизм без Брежнева”. Однако бесперспективность такой политики выявилась с первых же месяцев. Экономическая ситуация продолжала ухудшаться, борьба между ведомствами и группами при составлении любого директивного документа обострилась в высшей степени. Страна жила ожиданием очередных торжественных похорон.

Смерть Черненко и избрание Генеральным секретарем М. С. Горбачева весной 1985 г. положила конец затянувшемуся междуцарствию. Реформистское течение вновь оказалось у руля, но из поставленных в начале 80-х годов задач ни одна еще не была решена. Потребовалось еще около года, чтобы обеспечить сторонникам нового лидера рабочее большинство в Политбюро, Центральном Комитете и Совете министров. Изо дня в день газеты сообщали о перестановках в высших эшелонах власти. Уходили со своих постов „ветераны” брежневской мафии —

Романов, Тихонов, Гришин. Гораздо труднее оказалось подорвать позиции традиционных бюрократических „кланов” в национальных республиках. Здесь даже в высших партийных органах брежневисты сохранили свои посты на протяжении длительного времени. Затяжная борьба московского реформистского руководства против казахского партийного лидера Д. А. Кунаева завершилась в декабре 1986 г. его устранением с поста Первого секретаря КП республики, но в Алма-Ате это вызвало серьезные беспорядки. Многие национал-брежневисты могли смотреть на эти события с удовлетворением. После Алма-Аты Москва стала гораздо осторожнее в подобных случаях, что помогло традиционному руководству на Украине и в ряде других республик сохранить свои посты.

Тем не менее горбачевская фракция безусловно побеждала. XXVII съезд закрепил ее успех, избрав новый состав ЦК КПСС. Идея экономических преобразований и демократизации была, по крайней мере в общих формулировках, закреплена в новой редакции партийной программы. Прозвучало с высоких трибун слово „перестройка”. Однако реально общество почувствовало перемены лишь после чернобыльской катастрофы весной 1986 г.

Авария ядерного реактора в Чернобыле разом выявила многочисленные слабости традиционной системы управления, ее несовместимость с современной технологией. Задолго до катастрофы многие специалисты указывали на экономические и экологические просчеты, характерные для принятой в 70-е годы стратегии развития ядерной энергетики. Реакторы размещались слишком близко к густонаселенным индустриальным центрам, строительство велось с нарушением проекта. Тем не менее брежневское руководство настаивало на скорейшем выполнении программы „мирного атома”, в которой оно видело очередное магическое средство для решения обострившихся энергетических проблем. Когда произошла катастрофа, выяснилось, что электростанцией управляли некомпетентные люди, что пожарные, присланные на место происшествия, не были подготовлены для работы в условиях радиоактивного выброса (хотя о существовании подобной опасности не раз писалось в специальной литературе), что местное начальство скрывало

от более высоких эшелонов власти информацию о действительном положении дел, в результате чего ситуация еще больше ухудшилась.

Первым газетным сообщением, явно преуменьшавшим масштабы катастрофы, никто не верил. Различные издания давали противоречивую информацию, зачастую опровергая друг друга. Восстановить доверие читателей к прессе удалось лишь после того, как газеты получили возможность подробно и без существенных цензурных ограничений освещать происходившие события. Политика гласности и „бескомпромиссной критики” устаревших порядков была провозглашена еще на XXVII съезде партии, но именно в трагические дни чернобыльской катастрофы гласность стала превращаться из официального лозунга в повседневную практику. Правда о событиях в Чернобыле, попав (хотя и не сразу) на страницы газет, открыла дорогу для правдивого освещения других общественных проблем. Газеты стали все больше писать о наркомании, преступности, коррупции, ошибках различного ранга руководителей. Волна „плохих новостей”, хлынувшая на читателей в 1986–1987 гг., потрясла общественное сознание. Многие ужаснулись, узнав про многочисленные бедствия, о которых раньше не имели ни малейшего представления. Зачастую людям казалось, что в эпоху перестройки различных безобразий стало даже больше, нежели раньше, хотя на самом деле раньше о подобном просто не сообщали. Вслед за информацией о преступлениях и ошибках современной эпохи в печать стали пробиваться все новые материалы о злодеяниях Сталина. Писатели, журналисты, кинематографисты, осознав новые возможности, торопились использовать их.⁷

Если первый период перестройки, продолжавшийся с весны 1985 по весну 1986 г., можно было назвать временем аппаратной борьбы, то летом 1986 г. события явно вступили в новую фазу. Началась „золотая пора” перестройки.

Гласность и демократизация сделали лозунгами дня. Реформистские, левые и антисталинские идеи явно господствовали в средствах массовой информации. Старый механизм хозяйственного управления по-прежнему функционировал, но политическая обстановка изменилась. Большинство представителей брежневской группы в Политбюро уже утратило свои позиции,

а „среднее звено аппарата” перешло к пассивному сопротивлению, защищая свои привилегии и блокируя практическое осуществление реформ. Проекты преобразований по многу раз проходили через бесчисленные комиссии, одна редакция текста сменялась другой, вносились бесконечные поправки и уточнения. Бюрократия избрала тактику проволочек, максимально затягивая принятие любых решений. Многие постановления, принимавшиеся в центре, не выполнялись на местах, готовились всевозможные „инструкции” и „положения”, ограничивающие реформистский эффект нового законодательства.

Официальная программа перемен, основанная на идеях Аганбегяна, Заславской и их „новосибирской группы”, была первоначально довольно умеренной. Она предполагала расширение самостоятельности предприятий при сохранении системы централизованного планирования, допущение мелкого частного сектора и смешанных международных предприятий в некоторые отрасли экономики, упорядочение административной и юридической системы. Умеренность подобной программы была ее важным политическим достоинством, поскольку под подобными минимальными требованиями могли подписаться представители самых разных течений как внутри партийной элиты, так и по всей стране. Для левых несколько неудобным с идеологической точки зрения была идея смешанных корпораций, но, во-первых, левые еще не играли значительной политической роли в событиях, а, во-вторых, этот пункт не был центральным.

Однако даже такую умеренную программу оказывалось нелегко осуществить. Бюрократия мешала практическому осуществлению перемен. Нужны были какие-то нетрадиционные средства воздействия на аппарат управления. В сущности, для реализации даже самой умеренной программы экономического переустройства страны требовались радикальные политические сдвиги. Демократизация становилась *инструментом реформ*.

Положение дел в экономике оставалось крайне неустойчивым. После прихода Горбачева к власти был провозглашен лозунг ускорения социально-экономического развития, от предприятий требовали любой ценой наращивать производство. Директора заводов действительно использовали некоторые „скры-

тые резервы”, пустили в оборот запасы сырья и комплектующих деталей, припрятанные „на черный день”. Многие менеджеры работали по 16 часов в сутки. Все это не могло не дать результатов. Экономические показатели 1985 г. были заметно лучше, нежели в предыдущем году. Но парадоксальным образом это лишь усложняло дальнейшее проведение реформы. С одной стороны, руководители ведомств доказывали, что с переменами спешить не надо, ибо и при старом механизме управления можно достичь неплохих результатов, нужно только усилить нажим на директоров. А с другой стороны, директора должны были теперь поддерживать достигнутый уровень любой ценой во избежание крупных неприятностей. Выполнять план по традиционным показателям и одновременно перестраивать систему управления было практически невозможно. Чем-то приходилось бы жертвовать. Даже среди официальных экспертов и реформистски настроенных хозяйственников распространилось мнение, что реальную перестройку надо отложить до 90-х годов, а нынешний пятилетний план (1986–1990) как-то вытянуть на основе старого механизма.

Между тем экономический рост 1985 г., несмотря на самоотверженный труд рабочих, инженеров и многих производственных руководителей, оставался крайне неустойчивым. Чернобыль показал насколько ненадежна старая модель управления. Катастрофа усилила аргументы тех, кто выступал за ускорение реформ. К тому же капиталистический мир, преодолев очередную фазу структурного кризиса, переживал период бурного подъема. Неоконсервативная волна достигла своего апогея, а администрация Рейгана не скрывала намерения использовать усилившееся экономическое превосходство США над СССР для изменения в свою пользу военно-стратегического баланса. Война в Афганистане продолжалась без сколько-нибудь серьезных военных или политических успехов, положение в странах Восточной Европы оставалось запутанным и неустойчивым. Запад по-прежнему с недоверием относился к советским заявлениям о перестройке.

Политическая демократизация создавала единственную возможность разблокировать ситуацию и ускорить перемены. Пресса, получившая достаточно большую свободу, должна

была обеспечить независимый контроль за выполнением решений и способствовать „давлению снизу” на бюрократию. Возвращение в Москву академика А. Д. Сахарова, освобождение политических заключенных увеличило авторитет советского правительства на международной арене, став для всего мира доказательством действенности перестройки. Снова вышли на передний план многие представители интеллигенции 60-х годов, при Брежневе находившиеся на политической обочине или выжидавшие. Резко активизировались и левые.

Январский Пленум ЦК КПСС в 1987 г. должен был закрепить сдвиги, произошедшие на протяжении предыдущего года. По оценке самого Горбачева, Пленум „предложил демократизацию как главную движущую силу перестройки”.⁸ Целый ряд предложений, прозвучавших на XXVII съезде, были конкретизированы. Горбачев прямо заявил о необходимости изменить избирательную систему таким образом, чтобы официально выдвигаемых кандидатов было больше, нежели мест в Советах. На Пленуме также говорилось о выборах директоров предприятий, начальников цехов, создании органов производственного самоуправления. Было объявлено и о предстоящем проведении специальной партийной конференции по проблемам перестройки, хотя полномочия и задачи конференции не были четко определены.

Хотя предложенные Горбачевым реформы были достаточно умеренными, среднее звено бюрократического аппарата продолжало сопротивление. Выполнить даже часть того, о чем говорилось на Пленуме, оказалось крайне трудно. „Экспериментальные” выборы директоров заводов были проведены на ряде предприятий, оказавшихся по какой-либо причине без начальника. Что же касается действующих директоров, то ни один из них не пожелал подвергнуть себя этому испытанию. Начальники цехов и административный персонал на предприятиях по-прежнему назначались приказом директора. Хотя с 1 января 1988 г. вступил в силу новый закон о государственном предприятии, предусматривавший демократизацию производственной жизни, администрация практически нигде не допустила вмешательства рабочих в процесс принятия решений. К тому же многие положения закона были сформулированы весьма рас-

плывчато. На заводах были созданы Советы трудовых коллективов, но их полномочия, задачи и методы их формирования определялись в большинстве случаев самой же администрацией. Очень часто директора возглавляли новые „органы самоуправления”, превращая их в придаток административного аппарата.

Выборы в местные Советы летом 1987 г. состоялись на основе старой избирательной системы. В некоторых округах был проведен „эксперимент” и в избирательные списки внесли на одного кандидата больше, чем было депутатских мандатов, но даже в этом случае кандидат, оказавшийся на последнем месте, получал статус „резервного депутата”, если ему удавалось собрать более 50% голосов.

Тем не менее, почти повсюду, где были созданы „экспериментальные многомандатные округа”, избиратели сумели воспользоваться своими новыми правами. В большинстве случаев именно местные начальники, традиционно заседавшие в Советах, оказывались „за бортом”. По признанию газеты „Известия”, в „резервных депутатах” оказалась „целая обойма руководителей”. Среди провалившихся на выборах были секретари райкомов, председатели Исполкомов Советов и их заместители и т. д. „Некоторым „руководящим” кандидатам с трудом удалось пройти в Совет: их судьбу решил перевес в один-два голоса”.⁹ Даже в округах, где сохранялась старая система, избиратели зачастую вели себя необычно. Студенты Московского университета забаллотировали на выборах функционера университетской администрации, отвечавшую за студенческую столовую. По сообщению „Литературной газеты”, в 1076 округах страны официальные кандидаты не были избраны.¹⁰ Надо отметить, кстати, что пресса подробно освещала эти события и рассказывала даже о имевших место в некоторых случаях попытках „исправить” протоколы голосования.

Выборы свидетельствовали об изменении психологического климата в стране. Общественная жизнь оживала. Политика не воспринималась уже как занятие для привилегированных, критика властей — как диссидентство. В условиях либерализации все политические и идеологические течения, существующие в обществе, вышли на поверхность. Праволиберальные диссиденты сгруппировались вокруг самиздатного бюллетеня „Гласность”

и московского семинара „Демократия и гуманизм”. Русско-националистические и фашистские группы объединились под флагом общества „Память”. Заявили о своих требованиях и национальные меньшинства. В Прибалтике прошли демонстрации в годовщину подписания пакта Сталина—Гитлера в 1939 г., по которому эти территории оказались в советской сфере влияния. В Вильнюсе на улицы вышло несколько сотен человек, в Риге демонстрации были гораздо многочисленнее. Крымские татары устраивали митинги в Москве, требуя реабилитации своего народа, высленного Сталиным с родной земли. Стремительно стали расти и левые группы.

Политическая ситуация, сложившаяся после январского Пленума, оказалась для левых чрезвычайно благоприятной. С одной стороны, их требования вполне совпадали с лозунгами дня, с другой стороны, левые сумели привлечь в свои ряды возрастающее число людей, обеспокоенных медленными темпами реальных преобразований. Еще в конце 1986 г. начинается бурный рост „неформальных объединений”. Клуб социальных инициатив и клуб „Перестройка” в Москве быстро оказываются центрами притяжения для социалистической и леволиберальной интеллигенции. Формируются или укрепляются экологические и „культурно-демократические” группы. Особенно бурно развивается движение в Ленинграде. 16 марта по призыву „культурно-экологической группы „Спасение” сотни молодых людей собрались у предназначенной к сносу гостиницы „Англетер”. К ним присоединились представители других экологических и левых групп, учащиеся профтехучилищ и школ, рабочие, студенты. За соблюдением порядка следили дружинники из группы „Форпост”. По признанию присутствовавших журналистов, все было великолепно организовано: „никаких эксцессов не было”.¹¹ Участники демонстрации не смогли остановить снос здания, но речь в данном случае шла о большем, о праве граждан влиять на решения властей. Лидер „Спасения” Алексей Ковалев сразу стал широко известен в Ленинграде и за его пределами. Независимые левые группы выдвинули его кандидатом в городской Совет, но избирательная комиссия отказалась его регистрировать. В свою очередь, московская пресса выступила с критикой ленинградских властей, в поддержку Ковалева и „Спасения”.

К лету 1987 г. можно было уже говорить о широком движении, в котором участвовали тысячи людей в разных частях страны. Платформы различных групп существенно отличались друг от друга, равно как и формы их деятельности. Стремление к единству соединялось во многих клубах с недоверием к другим группам, сектантством и взаимным соперничеством. Тем не менее участники движения все острее ощущали необходимость в выработке общей платформы и налаживании практического сотрудничества.

В августе 1987 г. Клуб социальных инициатив (КСИ) провел в Москве конференцию 52 ведущих прогрессивных групп, на которой было провозглашено создание Федерации социалистических общественных клубов (ФСОК). Группы, объединившиеся в федерацию, несмотря на сохранившиеся между ними различия, выступали за социалистический плюрализм, производственное самоуправление и демократизацию планирования. В декларации ФСОК выдвигались и конкретные политические требования — отмена цензуры, право для клубов выставлять своих кандидатов на выборах. Наименее разработанным оставался экономический раздел декларации, однако решено было позднее подготовить специальные документы, конкретизирующие позиции ФСОК по вопросам самоуправления и планирования. Клубы единодушно заявили, что реформа должна проводиться без снижения жизненного уровня трудящихся и при сохранении социальных гарантий (дешевого жилья, бесплатной медицины, полной занятости и т. д.). Увеличение роли рыночных факторов в управлении экономикой рассматривалось как закономерное и неизбежное, но одновременно подчеркивалась опасность замены планового фетишизма рыночным и торжества технократических концепций.

К ФСОК присоединились клубы не только в Москве и Ленинграде, но и в Куйбышеве, Красноярске, Новороссийске, Иваново, Саратове и т. д. На протяжении осени 1987 г. шел постоянный рост федерации. Начал выходить ее самиздатный бюллетень „Свидетель” (позднее, отдавая дань традиции, его переименовали в „Левый поворот”). Представители ФСОК получили возможность выступить в официальном Агентстве печати „Новости” (АПН) перед иностранными журналистами,

материалы о ФСОК появились в некоторых газетах. Однако уже в ноябре ситуация резко изменилась.

31 октября, выступая на пресс-конференции в АПН перед иностранными и советскими журналистами, секретарь ЦК КПСС А. Лукьянов сообщил, что на состоявшемся перед тем очередном Пленуме возникли разногласия вокруг речи московского партийного лидера Бориса Ельцина, и тот вынужден был подать в отставку. Это сообщение имело эффект разорвавшейся бомбы. Но еще больше общественное мнение было потрясено молчанием официальных газет. О словах Лукьянова сообщили в Западной Европе, Китае, Венгрии, Польше, но москвичи вынуждены были опять, как и в первые дни чернобыльской катастрофы, узнавать новости о событиях в собственной стране из иностранного радио. Ельцина хорошо знали как одного из наиболее решительных сторонников перестройки, и его отставка казалась зловещим симптомом. Левые клубы единодушно протестовали против молчания официальных средств массовой информации, хотя внутри большинства групп возникли острые дискуссии о том, что может быть предпринято в подобной обстановке. Активисты ФСОК начали сбор подписей на улицах Москвы под письмом, требовавшим полной гласности в деле Ельцина. Владимир Гурболик из клуба „Община“, приехавший из Ленинграда Ковалев и некоторые другие члены ФСОК были при этом задержаны милицией. Ситуация накалилась еще больше, когда центральные и московские газеты опубликовали протокол Пленума московского комитета партии, на котором Ельцин был снят со своего поста и обвинен во множестве политических грехов. В Московском университете стихийно собрался студенческий митинг и была организована инициативная группа, вступившая в контакт с КСИ и ФСОК. Многие партийные организации Москвы отказались поддержать решения Пленума.

Позднее, в январе 1988 г. Горбачев признал, что из-за „дела Ельцина“ партийное руководство впервые подверглось серьезной критике слева, а смещение московского лидера было „какой-то частью интеллигенции, особенно молодежи“ воспринято „как удар по перестройке“.¹² В свою очередь, консервативно настроенные чиновники увидели в устранении Ельцина сигнал к контраступлению. На клубы стало оказываться

серьезное административное давление. Некоторых активистов вынудили покинуть свою работу. Проведение любых мероприятий в официальном порядке стало крайне сложным. Клубы не могли воспользоваться помещениями, их информация не проходила через газеты, хотя еще в сентябре с этим не было никаких проблем. Красноярская секция ФСОК — Комитет содействия перестройке — оказалась в крайне тяжелом положении. После того, как активисты комитета обвинили в коррупции ряд деятелей местного руководства, Крайком партии принял специальное постановление против этой группы, а член комитета В.Б. Четвертков, состоявший в КПСС, был исключен из партии. Аналогичные ситуации возникали и в других городах.

Большинство клубов постоянно подчеркивали легальный характер своей деятельности, готовность сотрудничать с прогрессивными группами в партийном и государственном аппарате. Это, однако, не защитило их от обвинений в „неконструктивной позиции“ и „попытках подрыва основ“. Зимой в прессе началась настоящая сталинистская кампания против левых. С нападениями на ФСОК и отдельные клубы выступили „Комсомольская правда“, „Правда“, „Вечерняя Москва“, „Московский комсомолец“. „Правда“ атаковала также известного драматурга Михаила Шатрова, выступавшего за более последовательный анализ сталинского прошлого и историческую справедливость по отношению к противникам Сталина (включая Троцкого). Судя по тону некоторых статей, консервативные группы в аппарате после событий августа и ноября 1987 г. были серьезно напуганы ростом левого активизма. Либеральные журналисты предпочитали отмалчиваться, ожидая, что эта „консервативная волна“ быстро пройдет.

В либерально реформистских кругах ссылались на зимний отпуск М.С. Горбачева и болезнь одного из лидеров прогрессистской фракции Секретаря ЦК А. Н. Яковлева. Между тем контраступление сталинистов было вызвано отнюдь не случайным стечением обстоятельств. Перестройка вступала в новую фазу, политическое размежевание в обществе усиливалось.

Если на ранних этапах перестройки лозунг перемен мог объединить самые различные общественные и аппаратные течения, то теперь этого было уже явно недостаточно. Многие

представители „нового поколения” аппаратчиков, сумевшие в ходе событий 1985–1986 гг. занять важные должности, склонны были считать основные задачи перестройки выполненными и с опасением относились к любым „экспериментам”, которые могли бы поставить под угрозу их с таким трудом завоеванное благополучие. Относительное потепление в международной политике, советско-американский договор о ракетах средней дальности, будучи сами по себе в значительной мере результатом перемен, произошедших у нас в стране, тоже по-своему усиливали консервативные настроения в аппарате. Если многие чиновники рассматривали внутривластную либерализацию как своего рода „цену”, которую надо заплатить за доверие Запада и возобновление разрядки, то теперь, когда эта цель была в значительной степени достигнута, заинтересованность в политических переменных у них явно уменьшалась. Напротив, после ноябрьских выступлений молодежи из-за „дела Ельцина” быстро росли опасения, что демократический процесс зашел „слишком далеко”.

Разумеется, перестройка продолжалась. Было объявлено о реабилитации Бухарина, Рыкова и других старых большевиков, осужденных Сталиным в 1937 г. по ложному обвинению в создании „право-троцкистского блока”. Журнал „Октябрь” печатал долгое время находившийся под запретом роман В. Гроссмана „Жизнь и судьба”, в журнале „Латинская Америка” № 1 за 1988 г. была опубликована маленькая заметка о жизни Троцкого в Мексике. Готовился вывод советских войск из Афганистана и пресса открыто писала о неудаче „афганского похода”: „основные цели так и не были достигнуты”, „присутствие советских войск в стране теряет свой смысл. Уход неизбежен, логичен”.¹³

И тем не менее динамика событий была уже не такой как в 1986 г. Среди реформистов чувствовалась некоторая растерянность. Многие радикальные лозунги повторяли как своего рода ритуал, не решаясь серьезно добиваться их осуществления. Прекратились эксперименты с выборами директоров (хотя вступил в силу закон, который формально делал выборы общедоступными). Идеологи экономической реформы, не удовлетворенные достигнутыми результатами, выдвигали все новые

предложения и, утратив былое единство, все яростнее спорили между собой. По словам известного советского правоведа Б. П. Курашвили, меры, принятые в 1985–1987 гг., были столь поверхностны и половинчаты, что перестройка рискует „так и не прийти до туманно представляемой конечной цели”.¹⁴ Необходимо более четко сформулировать задачи реформы в экономической и политической областях, сформулировать конкретный проект.

Если на первых порах технократические и демократические концепции перемен более или менее мирно уживались между собой, то сейчас происходило явное размежевание. Технократы, все более откровенно отстаивая интересы аппарата производственного управления, видели выход из сложившейся ситуации в частичной ликвидации социальных гарантий и перенесении на советскую почву рецептов неоконсервативных теоретиков Запада. Н. Шмелев, один из наиболее модных авторов этого направления, довольно откровенно определил свою программу словами: „все, что эффективно — нравственно”.¹⁵ Вместе с другими теоретиками технократической школы (Г. Лисичкиным, Г. Поповым и др.) он рассматривал социальные гарантии как тормоз развития, „пережиток феодализма”. Технократы отнюдь не скрывали антидемократического характера своих предложений. На страницах „Литературной газеты” Г. Лисичкин заявил, что реформа должна исходить из интересов „передового” меньшинства, которому мешает развернуться косное, отсталое большинство. Задача перестройки в том, чтобы низвергнуть „тиранию” большинства и утвердить преимущество элиты.

Развитие рыночных отношений стало для технократических идеологов главным лозунгом. На деле, однако, к „рыночной” фразеологии этой группы надо относиться с большой осторожностью. Структура советской экономики, сформированная еще при Сталине, обеспечивает ведущим предприятиям и ведомствам положение абсолютных монополистов. На протяжении десятилетий большую часть инвестиций пожирала заводы-гиганты, производящие средства производства. Все организовано таким образом, что потребитель оказывается подчинен производителю, и объясняется это не только отсутствием рынка, но зачастую и отсутствием реального выбора. Экономика ориен-

тирована не на удовлетворение потребностей человека, а на самовоспроизводство. Эта, по выражению известного ученого В. Селюнина, „самоедская экономика” не станет более гуманной от предполагаемой переориентации с приказа на прибыль. Изменяются средства, но не цели.

Предлагаемая в данных обстоятельствах „игра в рынок” на практике может обернуться лишь ростом цен, инфляцией и усиленной эксплуатацией потребителя со стороны организаций-монополистов. Характерно, что технократы, постоянно подчеркивающие, что рынок решит большинство проблем, одновременно весьма пренебрежительно отзываются об идее структурных реформ в сфере производства и перераспределении инвестиций, хотя совершенно ясно, что „нормальной” рыночной конкуренции без подобных мер просто не возникнет.

Конкретные рекомендации этой школы сводятся к отмене продовольственных дотаций и повышению цен во имя оздоровления финансов. Одновременно пропагандируется лозунг „самофинансирования”, на практике понимаемый как свобода повышения цен для монополистов. С января 1987 г., когда ряд ведомств перешел на принципы самофинансирования, газеты начали сообщать о быстром росте цен на самые разнообразные товары и услуги от путевок за границу и мойки окон до... похоронных услуг. Проанализировав рост цен на кладбищах за 1987 г., московский социолог А. Рубинов не без иронии заметил, что хозяйственные перспективы этой отрасли „поистине блестящи”.¹⁶

По сути дела, речь идет о том, чтобы под видом „реформы” заставить трудящихся расплачиваться за экономические просчеты бюрократии, безхозяйственность, структурные диспропорции, предкризисное состояние экономики. Совершенно ясно, что подобные предложения не могли найти массовой поддержки. По данным опросов, более 70% населения высказывалось против них.¹⁷

Концепция новой технократической школы не была принята в виде официальной стратегии перестройки. Несколько раз М. С. Горбачев даже выступал с критикой подобных идей. Однако влияние ее сторонников в аппарате неуклонно возрастало, и отдельные положения данной концепции все чаще можно

было обнаружить в официальных документах. Здесь нет ничего удивительного. Технократические идеологи предлагали рецепты, которые при внешнем радикализме были вполне приемлемы для бюрократии и предполагали сохранение традиционных структур как в экономической, так и в политической системе общества. Несмотря на антисталинскую риторику, технократическое течение все больше сближалось с консервативно-сталинистским. Жесткий аппарат политического контроля оказывался необходимым элементом стратегии, основанной на ущемлении интересов общества, снижении жизненного уровня низов. Совершенно ясно и то, что гласность и самоуправление, ставшие лозунгами предыдущего этапа перестройки, в данную концепцию не вписывались.

Отнюдь не случайно, что Г. Х. Попов, один из главных идеологов технократии, выступил в прессе с обличениями в адрес Ельцина, откровенно намекая, что левые в сложившейся обстановке могут оказаться опаснее консерваторов. После падения Ельцина технократы и сталинисты все чаще действовали единым фронтом, пропагандируя необходимость повышения цен, устранения чересчур левых, по их мнению, деятелей, которым навешивали ярлык „авангардизма”. Разумеется, обе стороны рассматривали этот компромисс как чисто тактический, но объективная динамика событий толкала их друг к другу в объятия.

На многих заводах рабочие стали требовать изменения организации труда, гласности на рабочих местах, увольнения некомпетентных и коррумпированных руководителей, сокращения времени труда, прекращения сверхурочных. Пресса сообщала о забастовках и стихийных митингах, организованных на многих предприятиях в конце 1987 г. В декабре из-за невыплаты зарплаты возникли острые конфликты между рабочими и местными властями в Кривом Роге и Волгограде. Платить зарплату оказывалось нечем из-за отсутствия денег в банке и более строгой финансовой дисциплины. Рабочие протестовали, доказывая, что они в любом случае законно заработали свои деньги и не несут ответственности за невыполнение финансового плана. Чиновники сожалели о „старых добрых временах”, когда можно было

просто применить силу. По классическим законам революционного процесса в стране происходила поляризация сил.

Заключение

В январе 1988 г. известный советский экономист В. Селюнин писал, что два года перестройки выявили несостоятельность исходных концепций официальной науки. Реформистское течение оказалось не в состоянии разработать и предложить обществу радикальный проект, вызывающий энтузиазм масс. Главным достижением перестройки оставалась гласность, но она не могла автоматически решить социально-экономические проблемы страны. Сейчас, писал Селюнин, „требуется структурные сдвиги в экономике — ее надо развернуть от работы на самое себя к человеку, к его нуждам”.¹⁸ Такая перестройка, в свою очередь, возможна лишь при условии поддержания жизненного уровня масс и развития производственной, политической, местной демократии, дающей трудящимся возможность реально участвовать в принятии решений.

Безадресные проекты первых лет оказались нереалистическими. Опыт советского общества еще раз показал, что наиболее умеренное решение далеко не всегда является самым здравым. На место абстрактных представлений о „всеобщем благе” приходило осознание реального противоборства интересов в обществе. „Борьба идет не просто между бюрократами и небюрократами, — писал один из публицистов популярного журнала „Новый мир”, — а между общественными группами, на которые опираются и те и другие. И главный вопрос в том и состоит: кто сумеет повести за собой массовые силы, действительно заинтересованные в перестройке, в научно-техническом и культурном прогрессе и выступающие его основными носителями, а тем самым и носителями общенародного интереса — рабочих высшей квалификации, олицетворяющих самые передовые производительные силы, научно-техническую и гуманитарную интеллигенцию”.¹⁹ Таким образом, радикальное крыло официального реформизма в итоге двух лет перестройки пришло, наконец, к выводу о невозможности осуществления перемен без опоры на конкретные социальные интересы. Однако предполагаемая этим течением

стратегия мобилизации модернизированных средних слоев вовсе не позволяет решить проблему массовой базы преобразований. Только в том случае, если удастся обеспечить реальное сотрудничество средних слоев и низов в рамках радикального реформистского проекта, сможет сложиться мощный социальный блок, способный противостоять бюрократии. Для этого необходимо не поощрять социальный эгоизм „передовых” (и в сущности наиболее благополучных) общественных групп, а напротив, добиваться их максимальной солидарности с широкими массами. Такая широкая платформа вполне возможна. Она включает в себя политическую демократизацию, развитие производственного и местного самоуправления, сохранение социальных гарантий, перераспределительную антибюрократическую политику под демократическим контролем снизу, защиту интересов потребителя и постепенную переориентацию экономики на удовлетворение человеческих потребностей, ее экологизацию и гуманизацию.

Социалистическая демократия должна в равной степени обеспечивать личности социальные и правовые гарантии. Важно изменить экономические приоритеты таким образом, чтобы человек действительно стал главной целью. Надо децентрализовать принятие решение и создать демократические процедуры, несовместимые как с бюрократическим, так и с технократическим подходом к управлению. Надо, наконец, заменить удобные для бюрократии полумеры новым, последовательным демократическим законодательством. Речь идет не о выборе между планом и рынком (в любом современном обществе есть и то и другое). Подлинный выбор сегодня между формирующимся гражданским обществом и бюрократией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. очень откровенное интервью Н. Шмелева в газете „Книжное обозрение, 1988, № 1, стр. 2.
- 2 Литературная газета, 10.2.88
- 3 Исключением в тот момент являлись лишь братья Рой и Жорес Медведевы, постоянно подчеркивающие связь между разрядкой и правами человека. Надо сказать, что большинство диссидентов вообще не считало „марксистов Медведевых” принадлежащими к движению. Их постоянно атаковали, предъявляя им всевозможные обвинения вплоть до „сотрудничества с госбезопасностью”...
- 4 Эта программа была сформулирована в самиздатном журнале „Социализм и будущее” („Левый поворот”), 1980, № 3—4.
- 5 Характерно, что очень большой резонанс вызвали исследования академика Т. И. Заславской, доказывавшие, что управляемость советской экономики неуклонно снижается.
- 6 В те дни в Москве был популярен анекдот: „Человек читает газету с большим некрологом; сосед в метро спрашивает его: „Уже?” Читатель отвечает: „Нет еще”.
- 7 Я уже писал об этом в других работах.
- 8 М. С. Горбачев. Перестройка и новое мышление. М., 1987, стр. 60.
- 9 Известия, 7.7.87.

- 10 Литературная газета, 1.7.87.
- 11 Известия, 26.3.87.
- 12 Литературная газета, 13.1.88.
- 13 Литературная газета, 17.2.88.
- 14 Известия, 15.2.88.
- 15 Книжное обозрение, 1988, № 1, стр. 2.
- 16 Литературная газета, 17.2.88.
- 17 Данные взяты из исследования, проведенного совместно Центральным экономико-математическим институтом и „Литературной газетой”. Материалы исследования были частично опубликованы в бюллетене ФСОК „Левый поворот”, 1988, № 5.
- 18 Социалистическая индустрия, 5.1.88.
- 19 Новый мир, 1987, № 11, стр. 188.